

ИММИГРАЦИОННЫЕ КОММУНЫ И КОЛХОЗЫ НА ДОНУ И КУБАНИ В 1920-е гг.

Аннотация.

Актуальность и цели. Высокая миграционная динамика и многонациональный состав населения на юге России обуславливает необходимость изучения исторического опыта государственной политики в межнациональной сфере. Это позволит осмыслить исторический опыт межэтнического взаимодействия в контексте хозяйственного развития региона. Цель работы – проанализировать опыт функционирования иммиграционных коммун и колхозов на Дону и Кубани в условиях внедрения советских форм хозяйствования.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач основывалась на использовании архивных документов из фондов Государственного архива Ростовской области. Важное место занимают отчеты и результаты исследований деятельности иммиграционных коммун в Северо-Кавказском крае в 1920-е гг., нормативно-правовые акты, регламентирующие их деятельность, хозяйственные договоры и статистическая информация. В статье используются историко-генетический и историко-сравнительный методы исследования.

Результаты. Исследованы особенности возникновения и специфика деятельности иммиграционных колхозов и коммун в Юго-Восточной области и Северо-Кавказском крае в 1920-е гг. Выявлены цель и основные задачи создания переселенческих хозяйств. Рассмотрены половозрастной, национальный состав иммиграционных коммун, особенности взаимоотношений между различными этническими группами коммунаров, трудности и проблемы, с которыми они сталкивались, а также характер связей с коренным населением региона.

Выводы. Изучение опыта функционирования иммиграционных коммун и колхозов на Дону и Кубани позволяет уяснить особенности экономического и этносоциального развития региона в 1920-е гг., учесть проблемы и трудности, с которыми сталкивались иммигранты в рамках реализации проекта по созданию образцово-показательных хозяйств, определить степень влияния их опыта на процессы коллективизации на Дону и Северном Кавказе.

Ключевые слова: иммиграционные колхозы и коммуны, Дон, Кубань, переселенцы, национальные меньшинства.

А. В. Аверьянов

IMMIGRATION COMMUNES AND COLLECTIVE FARMS IN THE DON AND KUBAN IN 1920s.

Abstract.

Background. The high migration dynamics and multinational composition of the population in the South of Russia necessitates the study of the historical experience

of state policy in the ethnic sphere. This will allow us to comprehend the historical experience of interethnic interaction in the context of economic development of the region. The purpose of the work is to analyze the experience of functioning of immigration communes and collective farms on the don and Kuban in the conditions of introduction of Soviet forms of management.

Materials and methods. Implementation of research tasks was based on the use of archival documents from the funds of the State archive of the Rostov region. An important place is occupied by the reports and results of studies of the activities of immigration communities in the North Caucasus region in the 1920, legal acts regulating their activities, economic contracts and statistical information. The article uses historical-genetic and historical-comparative research methods.

Results. The peculiarities of occurrence and specifics of immigration farms and communities in the South-Eastern region and the North Caucasus region in the 1920. Identified the purpose and objectives of the creation of the resettlement farms. The article considers the gender and age, the national composition of the immigration communes, the peculiarities of relations between different ethnic groups of Communards, the difficulties and problems they faced, as well as the nature of relations with the indigenous population of the region.

Conclusions. The study of the experience of functioning of immigration communes and collective farms on the don and Kuban allows to understand the peculiarities of economic and ethno-social development of the region in the 1920, to take into account the problems and difficulties faced by immigrants in the framework of the project to create exemplary farms, to determine the degree of influence of their experience on the processes of collectivization in the don and the North Caucasus.

Keywords: immigration collective farms and communes, Don, Kuban, immigrants, national minorities.

Плодородные земли на юге России всегда привлекали внимание переселенцев, желающих завести крепкое хозяйство. После революционных событий 1917 г. и гражданской войны этносоциальные процессы в регионе интенсифицировались. Мечта о новой жизни в обновленном государстве, декларирувавшем принципы социальной справедливости, способствовали притоку переселенцев на Дон и Кубань в 1920-е гг. В регион хлынули многочисленные крестьянские потоки из разных концов Советской России. Однако бесконтрольный характер миграции на первом этапе усугублял и без того непростую экономическую и социально-политическую ситуацию на Юго-Востоке Европейской России. Среди основных проблем было малоземелье, сохранение низкоинтенсивных форм хозяйства, этносоциальные трения между старожилами и приезжими, казаками и крестьянством, русским и нерусским населением. Поток переселенцев был настолько велик, что в 1926 г. было создано Северо-Кавказское районное переселенческое управление (РПУ), в ведении которого находились задачи по организованному размещению и обустройству приезжих [1]. Однако замкнутый образ жизни некоторых этнических общин и экономическая конкуренция в условиях дефицита земли были настолько велики, что обуславливали межэтнические трения и конфликты.

В сложившихся условиях советская власть поощряла передовые способы хозяйствования, прежде всего ее коллективные формы. Коммуны, кооперативы и колхозы расценивались в качестве образцовых интенсивных и технически оснащенных хозяйств. С этой целью в регион привлекались переселенцы из-за рубежа, которые должны были создать образцовые хозяйства

и демонстрировать пример межнационального взаимодействия, поскольку в числе переселенцев были представители различных национальностей. Такие хозяйства – иммиграционные коммуны и колхозы – существовали на Юго-Востоке в 1920-е гг.

В историографии проблема изучения отдельных аспектов создания и функционирования коллективных хозяйств с участием национальных меньшинств и религиозных групп в Советском Союзе получила свое освещение в работах В. З. Акопяна [2], Н. Ф. Бугай [3], О. А. Гербер [4], Е. Н. Даниловой, Н. В. Антоновой [5] и других исследователей.

В то же время такой аспект изучения коллективных хозяйств в 1920-е гг. на юге России, как иммиграционные колхозы и коммуны, остается практически неизученным. Он имел свою специфику, поскольку в числе переселенцев из-за рубежа было большое количество иностранцев. Целью данной статьи является анализ опыта функционирования иммиграционных хозяйств, что в свою очередь позволит оценить характер и основные направления государственной политики в области реконструкции хозяйства и национальной политики в полиэтничном регионе, а также определить влияние на дальнейший ход коллективизации сельского хозяйства в регионе в конце 1920-х – в 1930-е гг.

В 1920-е гг. Советская Россия в условиях НЭПа за рубежом представлялась для многих символом нового общества, основанного на справедливых началах. Данную точку зрения разделяли многие зарубежные интеллектуалы и рабочие. Кроме того, за границей проживало значительное количество выходцев из России, которые еще до революции были вынуждены по экономическим или политическим мотивам выехать за границу и были заинтересованы в скором возвращении на родину. Среди них было значительное количество различных религиозных течений и национальных меньшинств, подвергавшихся преследованиям в царской России, в том числе молокане, духоборы, евреи.

Советские власти стремились использовать имеющийся социальный потенциал не только в политико-идеологических целях, но и в контексте экономического развития Юго-Восточной области и созданного в том же 1924 г. Северо-Кавказского края [6]. Согласно резолюции Деревенского совещания при ЦК РКП(б) по вопросу о переселении, Северный Кавказ наряду с Поволжьем и Уралом представлялся одним из перспективных регионов развития сельского хозяйства, поскольку обладал «благоприятными естественными условиями и обещал наибольшее количество ценной рыночной продукции с наименьшими затратами со стороны государства» [7].

В регион привлекались зарубежные переселенцы, среди которых были как граждане СССР, так и зарубежные поданные. География переселенцев была очень широкой. Подавались заявки на переселение не только из европейских стран (Германия, Чехословакия, Дания, Финляндия, Италия), но даже из Уругвая [8, л. 128] и Австралии [8, л. 147–149]. Большую часть переселенцев составляли иммигранты из Северной Америки – Канады и Северо-Американских штатов Америки. Одной из первых выходцами из Сан-Франциско и Ванкувера в сентябре 1922 г. была основана коммуна «Калифорния». В декабре текущего года из «Калифорнии» выделилась группа, которая «образовала коммуну “Америка” и переселилась в Кубано-Черноморскую об-

ласть, где ими был заарендован совхоз в Армавирском отделе (бывшее имение Озеровой)» [8, л. 64 об.].

К середине 1920-х гг. на территории Дона и Кубани было создано несколько крупных иммиграционных хозяйств. Среди них коммуны и колхозы «Койт», «Калифорния», «Пионер», «Сеятель», «Кладенская», «Сан-Франциско» и др. Одной из важнейших задач провозглашалось «построение хозяйства на основе высшей технической базы, агрикультурное влияние на окружающее крестьянство и помощь ему» [9, л. 17].

С целью избежания бюрократической волокиты для хозяйств иммигрантов вводились особые правила оформления земли. Так, в срочном письме Наркомата земледелия Уполномоченному Народного комиссариата земледелия (НКЗ) на Юго-Востоке России товарищу Одинцову сообщалось о необходимости «заключить договор между коммуной Койт и НКЗ... одной из подведомственных структур на месте..., чтобы не ездить в НКЗ в Москву» [8, л. 21]. Причем сам проект договора был составлен в Народном комиссариате земледелия в Москве. Договор был направлен на подпись Наркомзему РСФСР, после чего оригинал договора был направлен в НКЗ, а две копии – в коммуну «Койт» и Комиссию СТО по иммиграции [8, л. 23].

Основным районом заселения была так называемая Кугоейская степь – Кушевский и Ейский районы Донского округа, а также степи Сальского округа. Иммигрантским колхозам сдавались в аренду конфискованные помещичьи земли. Так, коммуна «Америка» располагалась на территории бывшего имения Озеровой, «Калифорния» – в имении Денисова [8, л. 2, 7, 7 об.].

Коммуне «Койт» по собственной просьбе было отведено 2200 десятин земли сплошного участка, «удобной для успешной обработки» в юрте станицы Кушевской Ейского округа Кубано-Черноморской области [9, л. 10]. Земля была выделена из бывшего частновладельческого участка Прилипского, а также из «излишков надельных земель и дополнительных наделов Кугоейской степи, прилегающих к ст. Сергеевской, Кушевской, Кисляковской». На расходы по землеустройству коммуне «Койт» в сентябре 1923 г. было передано 150 тыс. рублей [9, л. 11]. Подобного рода расходы возмещались и другим иммиграционным хозяйствам в рамках Постановления Совета труда и обороны от 2 февраля 1923 г. «О льготах иммигрантам» [8, л. 97].

Как было отмечено, национальный и религиозный состав иммиграционных колхозов был очень пестрый. При этом существовали как мононациональные колхозы, так и полиэтничные. Так, в коммуне «Кладенская» состояло 90 чехов, в коммуне «Койт» – 67 эстонцев из Америки, в «Калифорнии» и «Сан-Франциско» – 44 и 16 великороссов-духоборов и молокан соответственно. В то же время в иммиграционном колхозе «Пионер» проживали и работали представители тринадцати национальностей – 30 великороссов, 15 чехословаков, 6 немцев, 5 сербов, 4 хорвата, 3 поляка, по два белоруса и венгра, а также один еврей, украинец, испанец и датчанин. В колхозе «Сеятель» преобладали финны – 136 человек, но имелось также 29 украинцев и 27 белорусов, а также несколько русских, эстонец и латыш [9, л. 13 об.]. Численность и национальный состав в коммунах постоянно менялся, поскольку текучесть в них была очень высокой.

Спектр задач иммиграционных коммун и колхозов был чрезвычайно широк – от идеологических до экономических. Они должны были демонст-

рировать пример межнационального сотрудничества и интернационализма в условиях советского строя, о чем свидетельствовал не только их полиэтничный состав, но и различное гражданство членов коммун. В эстонской коммуне «Койт» 38 членов имело советское гражданство, 17 – американское; в коммуне «Пионер» из 65 членов 8 человек имели американское гражданство, 16 – югославское, 1 – венгерское; в «Сеятеле» 66 – финляндское, 29 – американское и 11 – канадское гражданство [9, л. 29].

Кроме того, иммиграционные колхозы расценивались местными властями как пионеры коллективизации и механизации сельского хозяйства в регионе. Они должны были демонстрировать преимущество советского строя и коллективных форм хозяйствования. Иммиграционные коммуны рассматривались как образец ведения хозяйства, на который должны были равняться местные крестьяне. Помимо прочего они должны были стать еще и «базой по прокату различного вида машин». Проблемой крестьянских хозяйств была низкая платежеспособность, что обуславливало «сильный голод в мертвом сельскохозяйственном инвентаре», что в свою очередь являлось «тормозом приобретению новых машин» [8, л. 34]. Поэтому другой важной задачей иммиграционных хозяйств, которые были достаточно хорошо оснащены техникой, должно было стать предоставление в аренду местным хозяйствам сельскохозяйственной техники. В собственности коммун была представлена в основном американская сельхозтехника, прежде всего тракторы «Бест», «Фордзон», «Кейс», «Интернационал», а также молотилки, плуги, сеялки и другая техника [9, л. 33].

Иммиграционные коммуны в основном занимались выращиванием зерновых культур, что составляло 86,5 % их посевов. Пропашные культуры занимали только 10 %, а травосеяние – 2,4 %. Средний надел на душу населения превосходил местные показатели и составлял в среднем 7 десятин (от 1,8 до 10 десятин). Высокая посевная площадь объяснялась наличием «механических двигателей» и тем, что иммиграционные хозяйства носили односторонний полеводческо-зерновой характер, требующий меньшего количества рабочих рук [9, л. 30].

Несмотря на государственную поддержку иммиграционных коммун и в целом более высокие экономические показатели по сравнению с местными хозяйствами, переселенцы сталкивались с целым рядом трудностей. Они были связаны с большой текучестью их состава. В коммуне «Сеятель» из 320 членов и 334 едоков в течение нескольких лет выбыло 120 и 134 человека соответственно, что составило 50 % текучести [9, л. 11 об.]. В итоге некоторые коммуны были малочисленными, что также негативно влияло на результаты хозяйствования. К 1927 г. в эстонской коммуне «Койт» насчитывалось 65 едоков и 38 членов; в «Калифорнии» – 45 едоков и 14 членов; в «Пионере» – 65 и 38 человек соответственно [9, л. 11]. Чаще всего прибытие новых членов коммун происходило «мелкими партиями через большие промежутки времени, что не обеспечивало хозяйства рабочими руками и не давало возможность сразу поставить хозяйство на ноги» [9, л. 29].

Выход из коммун приводил к их финансово-экономическому ослаблению, поскольку в некоторых из них был предусмотрен возврат паевых взносов. Тем самым, констатировали местные власти, «они не выполняют коммунального устава и скорее придерживаются артельного принципа образования

средств» [9, л. 37]. Таким образом была ликвидирована коммуна «Калифорния», куда входили преимущественно русские-молokane – выходцы из Северо-Американских Соединенных Штатов. Они, как правило, уезжали в другие регионы страны, воссоединяясь с другими общинами единоверцев, используя членство в коммунах как возможность льготного переезда в СССР.

В то же время хозяйства, где преобладали этнические меньшинства, отличались большей устойчивостью (эстонская коммуна «Койт», финская коммуна «Сеятель»), поскольку в них практиковались безвозвратные взносы, а также преобладали компактные формы проживания, что было обусловлено нахождением в иноэтнической среде.

Основными причинами высокой текучести состава иммиграционных коммун был целый комплекс трудностей, с которыми сталкивались переселенцы. Многие вступали в коммуны исключительно с целью переезда в СССР, других не удовлетворяли жилищные условия, вода, результаты хозяйствования, внутренний распорядок в коммуне, имущественное неравенство, слабая производительность труда [9, л. 11 об.]. В значительной степени это было связано с тем, что большая часть из них не имела представления об особенностях сельскохозяйственного производства и быта. «Будучи в огромном большинстве рабочими разных специальностей иммигранты не знакомы с ведением сельского хозяйства вообще, а тем более с местными условиями ведения его» [9, л. 29].

В результате некоторые коммуны брали в аренду землю в непригодной для ведения сельскохозяйственных работ местности, например на заболоченных участках, в большой удаленности от железных дорог, что приводило не только к низкой эффективности хозяйств, но и к таким тяжелым последствиям, как рост заболеваемости среди коммунаров, прежде всего малярией [9, л. 37].

В ходе проверок деятельности иммиграционных коммун региональные власти отмечали неверно выбранную стратегию развития хозяйств, что усугубляло их финансово-экономическое положение. Почти половина всех средств была заложена в мертвый инвентарь, «нередко колхозы инвентарем обеспечены на всю имеющуюся площадь, тогда как обработке не подвергается и половина ее» [9, л. 37 об.]. В результате, отмечалось в одном из отчетов, имея достаточно крупные средства для ведения интенсивного товарного хозяйства, колхозы почти не имеют оборотных средств на оплату сравнительно небольших долговых обязательств, что «ставит иммигрантские колхозы в состояние непрерывной нуждаемости в течение целого ряда лет», в результате чего они «не могут... построить доходное и устойчивое хозяйство» [9, л. 38].

Трудности в работе иммиграционных коммун обуславливались демографическими и этносоциальными особенностями их состава. Основную долю членов коммун составляли взрослые мужчины-одиночки трудоспособного возраста (63 % всего состава), что предопределяло возрастные и гендерные диспропорции. Так, в коммуне «Сеятель» из трудоспособного состава насчитывалось 79 мужчин и всего четыре женщины. В коммуне «Пионер» на 36 трудоспособных мужчин приходилось 12 женщин. Всего по шести исследуемым коммунаам данные показатели достигали 221 и 133 мужчин и женщин трудоспособного возраста [9, л. 13 об.].

Члены коммун «Калифорния» и «Сан-Франциско», состоявшие из русских молокан и духоборов, стремились расширить брачно-семейные связи. С учетом замкнутости общинной жизни это приводило к нарастанию миграционных настроений и распаду коммун. Представители этнических меньшинств также сталкивались с целым рядом сложностей в процессе инкорпорации в местное сообщество. В частности, отмечался низкий уровень владения русским языком, замкнутый характер проживания, что приводило к конфликтам с коренным населением. Конфликтный характер отношений этнических иммигрантов складывался также и с русскими членами коммун. В «Пионере», «Кладенской» и особенно в «Сеятеле» и «Койте», где преобладали финны и эстонцы, «несмотря на достаточно продолжительную жизнь в СССР, большинство населения совершенно не говорит и не понимает по-русски, хотя в трех последних коммунах существуют курсы русского языка» [9, л. 29, 29 об.]. Очень слабая связь с местным населением и недружелюбный характер отношений со стороны последних отмечались не только по причине плохого знания иммигрантами русского языка, но и в силу того, что коммуны имели значительно больше земли, чем коренные крестьяне [9, л. 39].

Наиболее сложная ситуация сложилась в коммуне «Сеятель», где фиксировалась «непримиримая вражда русских и финнов». Местные власти отмечали «слабые коллективные и общественные начала у русских членов», делая вывод о том, что «дальше ужиться они не могут». В результате рекомендовалось «выделить русских в особый колхоз с соответствующей долей имущества и с расчетом, чтобы от выделения не пострадало хозяйство ни одной из групп» [9, л. 43–44 об.].

Плохое владение русским языком не давало возможности вести идеологическую работу среди иммигрантов, несмотря на то что количество коммунистов среди них было достаточно высоким. В коммунах действовали также комсомольские и пионерские организации, курсы по обучению русскому языку, библиотеки с литературой на русском и родных языках, газеты и даже духовой оркестр. В коммунах «Койт», «Пионер», «Сеятель» и «Кладенская», где преобладали иностранные граждане, насчитывалось 74 коммуниста и 20 кандидатов в члены ВКП(б), 62 комсомольца и 54 пионера.

Несмотря на это, региональные власти отмечали недостаточную идеологическую подкованность коммунаров и слабость местных партийных организаций, которые «слабо ориентируются в политике партии», отсутствие авторитетных руководителей [9, л. 39]. Примечательно, что в русских по этническому составу коммунах «Сан-Франциско» и «Калифорния» не было ни одного коммуниста и комсомольца [9, л. 38 об.].

В числе мер по ликвидации хозяйственных и идеологических недостатков в работе иммиграционных коммун отмечалась необходимость перехода к плановому хозяйству, развитие его интенсивных форм. На заседании Малого президиума Северо-Кавказского крайисполкома от 9 июля 1927 г. было принято решение «предложить Крайколхозобъединению и КрайЗУ в четырехмесячный срок составить на все коммуны организационно-производственные планы в соответствии с особенностями ведения сельского хозяйства данного района..., прикрепить агронома для дальнейшего наблюдения и содействия в выполнении коммунами планов» [9, л. 7].

Одновременно ставилась задача ликвидировать «внутренние национальные разногласия», в том числе за счет «вовлечения русских в партию», создавать «нормальные условия для русских в коммунах, втягивая их во все отрасли работ хозяйств» [9, л. 45]. Одновременно обращалось внимание на необходимость изучения русского языка среди иностранцев, приобретения литературы на русском языке, введения счетоводства и документооборота на русском языке. В частности, КрайОНО рекомендовалось «усилить обучение иммигрантских коммун русскому языку, политпросвету... и разработать вопрос об открытии в коммунах школ для обучения детей...» [9, л. 7].

В части поддержки окружающего крестьянства «ввиду наличия неполного использования в хозяйствах коммунах имеющихся сельхозмашин и орудий» рекомендовалась «на льготных условиях помощь окружающему бедняцкому населению имеющимся у них мастерскими, машинами и обучением крестьян управлению тракторами» [9, л. 7 об.].

С началом политики сплошной коллективизации на рубеже 1920–1930-х гг. потребность в иммиграционных колхозах и коммунах снизилась. В то же время опыт их функционирования сыграл большую роль в процессе колхозного строительства в регионе в 1930-е гг. Это был уникальный опыт создания интернациональных хозяйств, члены которых были объединены общей идеей социальной справедливости. В то же время он наглядно продемонстрировал, что помимо идеологической сознательности коммунаров и колхозников большую роль в налаживании эффективного хозяйства играют практический опыт и профессиональные навыки.

Кроме того, стало очевидным, какое большое значение в социально-экономических процессах играет национальный фактор и что его игнорирование может привести к негативным последствиям. Практическая необходимость формирования единого языкового пространства в области управления и делопроизводства через несколько лет приведет к свертыванию политики коренизации в регионе.

Неготовность значительной части именно русских членов коммун к чрезмерно обобществленным формам хозяйства и быта обусловила необходимость поиска наиболее оптимальных способов коллективного производства. Именуемые в документах коммуны на практике представляли собой сельскохозяйственные артели, которые стали основной формой колхозного строительства в 1930-е гг.

Библиографический список

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р. 1390. Оп. 6. Д. 107. Л. 7, 7 об.
2. **Акопян, В. З.** Образование новых армянских поселений на Дону в 1930-е годы / В. З. Акопян // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. – 2016. – Т. 26, № 4. – С. 122–128.
3. **Бугай, Н. Ф.** Цыгане в системе межнациональных отношений Черноморья – Кубанской области – Краснодарского края (к 170-летию появления цыган на Кубани) / Н. Ф. Бугай // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – 2009. – № 3–4. – С. 26–50.
4. **Гербер, О. А.** Коллективизация немецких колоний в Сибири и ее последствия / О. А. Гербер // История и этнография немцев Сибири / сост., науч. ред. П. П. Вибе. – Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. – С. 302–323.

5. Данилова, Е. Н. Трудовая миграция и реэмиграция духовных христиан в Советскую Россию в 1920-е гг. / Е. Н. Данилова, Н. В. Антонова // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. – 2009. – № 3. – С. 14–31.
6. Цуциев, А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) / А. А. Цуциев. – Москва : Европа, 2006. – С. 66.
7. ГАРО. Ф. Р. 1390. Оп. 5. Д. 384. Л. 35.
8. ГАРО. Ф. Р. 1390. Оп. 1. Д. 498.
9. ГАРО. Ф. Р. 1390. Оп. 6. Д. 321.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (GARO)* [State Archive of Rostov region (GARO)]. F. R. 1390. Op. 6. D. 107. L. 7, 7 ob. [In Russian]
2. Akopyan V. Z. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt State University: Series: History and philosophy]. 2016, vol. 26, no. 4, pp. 122–128. [In Russian]
3. Bugay N. F. *Golos minuvshogo. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal* [The voice of the past. Kuban historical journal]. 2009, no. 3–4, pp. 26–50. [In Russian]
4. Gerber O. A. *Istoriya i etnografiya nemtsev Sibiri* [History and ethnography of Siberian Germans]. Omsk: Izd-vo OGIK muzeya, 2009, pp. 302–323. [In Russian]
5. Danilova E. N., Antonova N. V. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istoriya* [Bulletin of Moscow State University. Series 8, History]. 2009, no. 3, pp. 14–31. [In Russian]
6. Tsutsiev A. A. *Atlas etnopoliticheskoy istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the ethno-political history of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow: Evropa, 2006, p. 66. [In Russian]
7. *GARO*. F. R. 1390. Op. 5. D. 384. L. 35. [In Russian]
8. *GARO*. F. R. 1390. Op. 1. D. 498. [In Russian]
9. *GARO*. F. R. 1390. Op. 6. D. 321. [In Russian]

Аверьянов Антон Викторович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра отечественной истории
XX–XXI веков, Институт истории
и международных отношений, Южный
федеральный университет (Россия,
г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая,
105/42)

E-mail: aver18071981@yandex.ru

Aver'yanov Anton Viktorovich

candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of national
history of the XX–XXI centuries, Institute
of history and international relations,
Southern Federal University
(105/42, Bolshaya Sadovaya street,
Rostov-on-Don, Russia)

Образец цитирования:

Аверьянов, А. В. Иммиграционные коммуны и колхозы на Дону и Кубани в 1920-е гг. / А. В. Аверьянов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2019. – № 3 (51). – С. 30–38. – DOI 10.21685/2072-3024-2019-3-4.